

УДК 94 (438+477) “1918/1939”

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-31-47

Ссылка для цитирования: Булахтин М. А. Между украинским и польским национализмом: Православная церковь на Волыни в межвоенный период // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 31–47.

МЕЖДУ УКРАИНСКИМ И ПОЛЬСКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ: ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ВОЛЫНИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

М. А. Булахтин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

bulachtin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7407-1931

На основе польских архивных материалов раскрывается эволюция политики польских властей в отношении Православной церкви в 1920–1930-е гг. Особое внимание уделяется положению православия на Волыни. В этом регионе, по сравнению с другими воеводствами, проживало самое большое число приверженцев православия в Польше. Среди них преобладали украинцы. В условиях подъема национального самосознания украинцев на Волыни развернулось активное движение за украинизацию Православной церкви. В статье характеризуются взаимоотношения церкви и представителей украинизаторского движения в указанный период. Украинские деятели оказывали давление на церковную иерархию, заявляли о необходимости «дерусификации» церковной жизни, объявляли русских священников угрозой не только для украинцев, но и для Польского государства, называли их сторонниками воссоздания «единой и неделимой России». В начале 1920-х гг. польские власти с опасением относились к украинскому национальному движению и мирились с сохранением влияния в Православной церкви священников русской национальности. Польские чиновники не хотели допустить, чтобы церковь превратилась в дополнительный ресурс политического влияния украинских националистов. После майского переворота 1926 г., когда к власти в Польше пришли сторонники маршала Ю. Пилсудского, государственная политика стала меняться в пользу украинизации православия на Волыни. Важный вклад в формирование этой политики внес волынский воевода Г. Юзевский. Однако в дальнейшем, под воздействием международной обстановки 1930-х гг. в Европе, подход польских властей в отношении православия на Волыни вновь претерпел изменения. Был взят курс на колонизацию украинского населения Волыни и укрепление позиций Римско-католической церкви в регионе.

Ключевые слова: Польша, Волынь, Православная церковь, государственно-конфессиональная политика, национализм.

Введение

История последних десятилетий показывает, что религия продолжает играть важную роль в общественно-политической жизни самых разных регионов мира, в том числе в консолидации общества, формировании коллективных идентичностей, процессе нациостроительства. Как верно отметил украинский исследователь В. Еленский, государственные деятели и политики ищут в религии точку опоры, думают о ней в категориях силы, власти, авторитета и мобилизации [Еленский, 2013, с. 7]. В полной мере это относится и к Восточной Европе. Несмотря на развитие процессов секуляризации, распространение ценностей либеральной культуры современного Запада, тем не менее в ряде восточноевропейских стран поддержкой населения пользуются силы, отстаивающие необходимость сохранения традиционных ценностей. Примером развития этих тенденций может служить Польша, где консервативная партия «Право и справедливость» с 2015 г. является правящей, а ее лидеры занимают первые строчки в рейтинге самых популярных политиков в стране. Лозунги сохранения традиционной модели семьи, религии и патриотизма пользуются поддержкой значительной части польских граждан. В другой стране региона – Украине – уже много лет про-

должается ожесточенная церковная борьба, в которую вовлечены значительные группы населения и различные политические силы.

Следует заметить, что религиозный вопрос нередко служил фактором обострения межнациональных противоречий в странах Восточной Европы. Немало примеров этому было и в истории отношений между русскими, поляками и украинцами. Так, весьма непросто складывались отношения на религиозной почве между представителями этих народов в годы существования II Речи Посполитой. Необходимо напомнить, что после Первой мировой войны в рамках возрожденного Польского государства оказалась значительная часть православного населения. По данным переписи 1931 г., в Польше проживало 3 млн 762 тыс. православных верующих (*Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9.XII 1931 r.: mieszkania i gospodarstwa domowe, ludność. Polska...*, 1938, S. 15). Варшава с самого начала стремилась сделать польское православие независимым от Москвы. По утверждению польских чиновников, важно было не повторить ошибку властей I Речи Посполитой, не сумевших разорвать связи, соединявшие православных Польши с Россией (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. K. 97). Отрыв польского православия от Москвы был выгоден и Константинопольской церкви. По мнению российского исследователя А. Макаркина, Вселенский патриархат хотел воспользоваться падением политического влияния Русской церкви после распада Российской империи и укрепить свои позиции в православном мире [Макаркин, 2019, с. 47].

В результате предпринятых усилий со стороны польского правительства Собор православных епископов, проходивший в 1922 г. в Варшаве, принял решение об автокефалии Православной церкви в Польше. Как отмечали чиновники Министерства вероисповеданий и общественного просвещения Польской Республики, для этого было получено благословение Константинопольского патриархата, который в последующем (в *томосе* от 13 ноября 1924 г.) официально признал эту автокефалию (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 987. K. 44). В министерстве подчеркивали, что таким образом была ликвидирована любая зависимость польского православия от России.

Согласно переписи населения 1931 г., православных верующих в Польше, указавших украинский язык в качестве родного, было около 1,5 млн человек. Белорусский язык назвали родным 903 тыс. человек, польский – примерно 500 тыс., русский – 100 тыс., «тутейший» – около 700 тысяч (*Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9.XII 1931 r.: mieszkania i gospodarstwa domowe, ludność. Polska...*, 1938, S. 15)¹. Самой многочисленной православной епархией в Польше считалась Волынская. Из 1 млн 455 тыс. православных здесь преобладали жители с украинским родным языком (1 млн 380 тыс. человек) (*Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9.XII 1931 r.: mieszkania i gospodarstwa domowe, ludność, stosunki zawodowe. Województwo wołyńskie...*, 1938, S. 22). Представители украинского национального движения называли Волынь «сердцем» украинского православия в Польше (Діло. 23.11.1938. С. 3). Важным направлением их деятельности стала борьба за дерусификацию и украинизацию церковной жизни.

Отношение польского правительства к украинизаторскому движению в православии

В документах польских ведомств указывалось, что пионером движения за украинизацию церкви был митрополит Георгий (Ярошевский) – украинец по происхождению, «противник Москвы», «полностью лояльный» Польскому государству. Чиновники отмечали, что он систематически украинизировал церковь, назначал этнических украинцев на должности приходских священников (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 384. K. 27; jedn. 988. K. 19; jedn. 1003. K. 28). Идейным соратником митрополита был профессор И. И. Огиенко, переводчик молитвословов на украинский язык. В период существования Украинской народной республики (УНР) он был министром вероисповеданий. Тогда же И. И. Огиенко добился принятия указа о создании Украинского Священного Синода, главой которого стал В. Липковский, в последующем основатель Украинской автокефальной Православной церкви (УАПЦ).

После убийства митрополита Георгия в феврале 1923 г. Православную церковь в Польше возглавил Дионисий (Валединский), русский по национальности. Будучи митрополитом и живя в Варшаве, он до 1934 г. управлял также Волынской епархией. Польские чиновники обращали внимание на то, что Дионисий, хотя и не запретил богослужение на украинском языке, тем не менее в пустующие приходы назначал русских священников, часто «русофилов» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. K. 19). Люблинский воевода в 1923 г. отмечал, что Дионисий «духовно совершенно чужд Польскому государству» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 987. K. 77).

В начале 1920-х гг. польские власти беспокоило прежде всего украинское национальное движение, которое они считали враждебным польской государственности (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. К. 194; jedn. 984. К. 76). Чиновники указывали на стремление украинских политиков поставить Православную церковь под свой контроль, сделать ее орудием украинизации самосознания православного населения, использовать церковные структуры в национально-политических целях (AAN. Zesp. 2/14/0. К. 204; jedn. 1003. К. 115). Интересно, что подобного мнения придерживался и украинский греко-католический епископ из Восточной Галиции Г. Хомишин, лояльно настроенный к Польше. Он утверждал, что для светских церковных деятелей, выступавших за украинизацию Православной церкви, «авторитет нации и языка важнее, чем авторитет Бога и веры» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1024. К. 95).

Как полагали польские чиновники, препятствием на пути к превращению церкви в политический ресурс украинских националистов была ее зависимость от польского правительства, обладавшего рычагами влияния на кадровую церковную политику (например, наличие возможности устранить любого священника с занимаемой должности) (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. К. 204). Кроме того, в Министерстве вероисповеданий полагали, что православие является меньшим злом по сравнению с Грекокатолической (униатской) церковью, симпатизирующей украинскому сепаратизму. Поэтому чиновники считали необходимым поддерживать православие, «вырвав из него лишь жало антигосударственности» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. К. 210, 216).

В феврале 1925 г. канцелярия Совета министров разослала главам министерств письмо под грифом «секретно», посвященное государственной политике в отношении православия. В нем указывалось, что до сих пор польские власти оказывали покровительство «русскому элементу» в Православной церкви, заинтересованному в сохранении церковного единства и централизованного устройства. Отмечалось, что раскол в церкви был бы лишь на руку украинскому и белорусскому национализму. При этом указывалось, что Православную церковь нужно лишить возможности проводить русификаторскую или украинизаторскую политику (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. К. 224–226).

Польских чиновников беспокоили уступки, сделанные православными иерархами украинским национальным деятелям в августе 1924 г. Согласно данным Министерства вероисповеданий, Синод в соответствии с достигнутыми договоренностями разрешил украинское произношение церковнославянских литургических текстов, чтение проповедей на украинском языке, украинское церковное песнопение, проведение уроков Закона Божия на украинском языке, издание украиноязычного церковного журнала «Духовна бесида». Профессор И. И. Огиенко получил от Синода торжественный адрес за перевод богослужебных книг на украинский язык. По мнению Министерства вероисповеданий, этими уступками епископат хотел предотвратить отделение «Волынской церкви» от Варшавской митрополии, а также укрепить свою позицию в отношениях с правительством путем сближения с оппозиционно настроенными к Польскому государству украинскими националистическими силами.

В министерстве обращали внимание также на то, что «национализация» Православной церкви вызвала трения между старым духовенством, «чувствующим по-русски», и молодыми священниками. Отмечалось, что пока силы сторон равны. Однако если все предоставить естественному ходу событий, то «несомненно, русский элемент покорится». Чиновники полагали, что действовавшие в Польше языковые законы также обрекали «русский элемент» на украинизацию или белорусизацию (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 13–15)².

Новый министр вероисповеданий С. Грабский, заступивший на этот пост в марте 1925 г., писал волынскому воеводе, что государственные власти не могут положительно отнестись к украинизации Православной церкви на Волыни. По мнению министра, этот процесс приведет лишь к обострению межнациональных противоречий в регионе и может вызвать отделение «волынского православия» от остального православия в Польше. Такое развитие событий ослабит влияние на регион центральной церковной власти, размещенной в Варшаве, и грозит объединением «волынского православия» с «национальной киевской церковью» (по-видимому, имелась в виду УАПЦ) (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 25–26).

Чиновники министерства также отмечали, что с июня 1925 г. православная иерархия начинает отказываться от существовавшей до сих пор опоры на польское правительство (из-за проволочек в урегулировании правовых отношений между церковью и государством), склоняется в сторону

украинской фракции в парламенте и ищет поддержку в народных массах. Именно этими обстоятельствами министерство объясняло просьбу Дионисия включить в проект внутреннего устава об организации церкви положение, согласно которому «при митрополите всея Польши может существовать специальный митрополичий совет, состоящий из духовных и светских лиц». Как полагали в министерстве, к управлению в церкви таким образом будет допущен светский, т.е. политический, элемент. Чиновники предполагали, что Дионисий согласился с этим предложением из-за того, что политики могли обеспечить поддержку церкви в широких слоях населения. Однако в министерстве опасались, что сделанные уступки усилят влияние антигосударственных политических деятелей, которые «захватят» Православную церковь. По данным министерства, переговоры о составе совета при митрополите и его компетенциях велись при посредничестве бывшего городского головы Киева П. Э. Бутенко (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. K. 248).

Чиновники также утверждали, что украинские политики требовали от Дионисия полной независимости церкви от польского правительства, отказа от государственных субсидий, благословения на полную украинизацию церковной жизни на Волыни, в Люблинском воеводстве и на Полесье, а также гарантировали митрополиту значительную денежную помощь. Если же он будет сопротивляться или колебаться, то украинские деятели грозили отрывом «Волынской церкви». Для этого планировалось убедить епископа Алексия (Громадского) возглавить эту новую украинскую церковь, а в случае его отказа – провозгласить епископами наместника Почаевской лавры архимандрита Дамаскина или архимандрита Поликарпа (Сикорского). В министерстве отмечали, что давление украинских кругов на рукоположение Поликарпа (Сикорского) в сан епископа оказывается уже давно, и только из-за возражений со стороны Министерства вероисповеданий по поводу предоставления ему польского гражданства этот план не может быть реализован (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. K. 249). Сообщалось, что министр С. Грабский предлагал министру внутренних дел вообще выселить этого «опасного» священника за пределы Польши (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. K. 253).

Похожие оценки ситуации, сложившейся в Православной церкви, давали и чиновники МВД. По данным министерства, недовольство церкви отношением к себе со стороны Польского государства подтолкнуло высшую церковную власть к поиску поддержки у русских, украинских и белорусских политиков. Иерархия якобы потеряла веру в то, что интересы церкви могут быть беспристрастно и доброжелательно учтены Польским государством. Епископы полагали, что власть использует двойственный подход в отношении православия и униатской церкви, в пользу которой, например, отбирались православные храмы. Епископы упрекали правительство в том, что, поддерживая униатов, оно хотело вызвать раскол внутри польского православия (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. K. 245).

В МВД поступала также информация о договоренности, достигнутой между епископатом и политиками, представлявшими восточнославянское население Польши. По данным министерства, митрополит согласился поддержать «национализацию» церкви, создать комиссию по подготовке к изданию богослужебных текстов на украинском и белорусском языках, а политики, в свою очередь, обязались прекратить борьбу против церковной иерархии, оказывать ей поддержку среди верующих и в отношениях с государством, обеспечить церковь деньгами. Чиновники также отмечали, что политики хотят получить поддержку клира в проведении националистической пропаганды и на предстоящих выборах в парламент. Православное духовенство, ожидая дальнейшего сокращения приходов и будучи неуверенным в завтрашнем дне, все больше склонялось к националистическим течениям, особенно на Волыни, и могло стать проводником националистического влияния среди крестьян. В МВД указывали на то, что данное обстоятельство стремились использовать прежде всего украинские политики, рассматривавшие «национализацию» церкви в качестве важного средства национального возрождения украинцев. В связи с этим в министерстве считали необходимым предотвратить захват церковных структур украинскими националистическими кругами, поскольку такое развитие событий могло бы нанести ущерб интересам Польского государства (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. K. 246–247).

Обострение внутрицерковной борьбы

Беспокойство польских властей было обоснованным. Движение за украинизацию церковной жизни росло, особенно в Луцком и Владимирском поветах (уездах) Волынского воеводства. Так, например, широкую известность получили события в г. Владимире-Волынском, где развернулась борьба между «украинизаторами» и сторонниками церковнославянского богослужения за контроль

над Успенским собором. Его настоятель, архимандрит Поликарп (Сикорский), сообщал главе Владимирского повета, что в 1924 г. церковными властями было принято решение проводить в соборе богослужения на церковнославянском языке в 8 часов утра, а в 10 часов – на украинском. Однако это не устроило оба противоборствующих лагеря. Митрополит Дионисий в 1926 г. передал Успенский собор «украинцам», а Николаевскую церковь – сторонникам церковнославянского языка. Однако последние стали добиваться передачи им Успенского собора. По словам архимандрита, «главным возмутителем спокойствия» был «пришлый элемент», а именно члены Русского благотворительного комитета (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 45–46).

Украинские националисты развернули борьбу за искоренение «русского влияния» в церкви. Так, в одном из воззваний к польским властям говорилось, что украинский народ, измученный долгими и кровавыми битвами за свою независимость с «москвинами разных цветов», оказался перед фактом потери своего государства, за которое сражался вместе с братской польской армией. Украинцы, оказавшиеся в составе II Речи Посполитой, надеялись, что в возрожденной Польше они будут свободны от любых русских влияний. Однако «русский элемент» продолжал вмешиваться в жизнь украинского народа. Авторы воззвания жаловались, что русские ведут борьбу за православный кафедральный собор во Владимире-Волынском, и церковная власть собирается им пойти на встречу. Такие действия были названы усилением «московского курса» в церкви и «игрой с огнем» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 960. К. 34–35, 62).

В другом обращении украинцы отмечали, что все ответственные посты в церкви занимают «коренные москали» или «москвофилы». Воспитание духовных пастырей доверено церковным школам, где педагоги, язык обучения, программы и учебники являются русскими. Богослужебный язык, так называемый церковнославянский, благодаря обязательному московскому произношению, стал фактором «единой и неделимой [России]». Такое важное средство религиозного воспитания народа, как язык церковных проповедей, также остается в основном русским. Уроки Закона Божия в государственных школах тоже проводятся преимущественно на русском языке (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 987. К. 390–391).

Особую известность в борьбе за украинизацию церкви приобрел украинский общественный деятель А. В. Речинский. Он издавал во Владимире-Волынском журналы «На варти», «Ридна церква», «Наше братство», был инициатором проведения церковно-общественных съездов мирян, участвовал в составлении воззваний и петиций от имени православных украинцев. Польская католическая пресса называла его даже представителем реформаторского течения протестантского характера (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 579).

Противники А. В. Речинского постоянно жаловались польским властям на его работу. Так, известный православный священник Г. И. Боришкевич в письме в Министерство вероисповеданий обращал внимание на то, что А. В. Речинский, преследуя чисто политические цели, хочет с помощью церкви украинизировать Волынь и часть Полесья. Между тем, как отмечал священник, большинство населения на этих землях молится по-церковнославянски и матери учат своих детей молиться на нем. Православные верующие боятся порвать с церковнославянской традицией, полагая, что такой шаг может привести к утрате веры. Автора послания беспокоило и то обстоятельство, что пропагандисты украинского церковного движения называли сторонников церковнославянского богослужения «русскими и москалями», и делали это для того, чтобы ввести в заблуждение польское общественное мнение и власти страны. В таком случае, как писал священник, следовало бы и всех украинцев Волыни и Полесья, не желающих принимать «украинское» богослужение, тоже считать «москалями», а также признать «русскими» сербов и болгар, которые до сих пор используют в богослужении церковнославянский язык. Он замечал, что и греки проводят богослужение не на живом новогреческом, а на старогреческом языке. По свидетельству священника, сами украинские деятели признавали, что введение украинского языка в богослужение негативно сказалось на религиозной и моральной жизни приходов: представители старшего поколения перестали посещать церковь, «деморализованная» молодежь тоже не ходила в храмы. Автор письма утверждал, что среди поборников украинского богослужения мало кто сможет произнести по-украински хотя бы «Отче наш». Кроме того, почти все главные деятели этого движения являются эмигрантами, никак не связанными с Волынью (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 48–50).

Тем не менее движение за украинизацию церковной жизни усиливалось. Ее сторонники в феврале 1927 г. обратились к митрополиту Дионисию с просьбой «благословить созыв в городе

Луцке Украинского православного церковного съезда духовенства и мирян с участием митрополита или кого-либо из епископов». Однако Синод признал этот съезд ненужным и запретил духовенству принимать в нем участие [*Альошина*, 2009, с. 8–9]. Тем не менее это не остановило инициаторов съезда, и в июне 1927 г. он был проведен. Как сообщалось в донесении митрополиту Дионисию, данное мероприятие проходило с разрешения Министерства вероисповеданий и МВД. В нем приняли участие 565 делегатов и 300 гостей, включая представителей прессы, польского правительства и депутатов (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 170).

В своих выступлениях члены организационного комитета съезда И. Власовский и Д. Ковпаненко говорили о необходимости претворения в жизнь решения Синода, принятого в 1924 г., об украинизации церкви на украинских землях в Польше (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 171). Съезд избрал Церковный комитет в качестве своего исполнительного органа. В итоговой резолюции отмечалось, что с XVI в. на Волыни и в соседних землях в церковную практику был введен украинский язык и только московская власть в XVIII в. насильственно прервала этот процесс. Поэтому сегодня на всех землях с преобладающим украинским населением православное богослужение должно проводиться на украинском языке. Лишь в тех районах, где было значительное число сторонников церковнославянского языка (особенно в городах с русскими эмигрантами и русифицированным мещанством), допускалось выделение одной церкви (но не собора) для богослужения на этом языке или же проведение на нем утренних литургий. Однако и на этих богослужениях следовало читать Евангелие, псалмы и проповеди только по-украински (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 173).

Съезд потребовал назначить этнических украинцев на епископские кафедры в районах с преобладающим украинским населением (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 174). Было заявлено, что это станет первым шагом, продиктованным растущим протестом народа против враждебного и национально чуждого ему епископата. Съезд призвал реорганизовать духовные консистории и поветовые (уездные) благочиния, назвав их «очагами русификации». Утверждалось, что светские и духовные деятели русской национальности превращают церковь в орудие русского империализма и стараются скомпрометировать украинское церковное движение. «Следует противодействовать наступлению, организованному русскими кругами, против украинского церковного движения, и вскрывать намерения “русской черной сотни”, которая борется не за церковь, а за сохранение своего влияния на наш народ», – говорилось в резолюции (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 175).

Участники съезда потребовали также украинизировать церковное делопроизводство, писать во всех документах имена православных прихожан только по-украински. В резолюции отмечалось, что церковные проповеди и уроки Закона Божия в школах используются для «денационализации» украинцев. Поэтому съезд заявил о необходимости проведения уроков религии только на украинском языке. Подчеркивалось, что и духовенство должно знать украинский язык, а духовная семинария в Кременце должна стать «украинской школой» и «настоящим пастырем для украинского народа» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 174–176).

В ответ на резолюцию Луцкого съезда участники Волынского епархиального собрания 16 июня 1927 г. заявили, что богослужебным языком должен быть только церковнославянский и потребовали прекратить украинское богослужение. Было признано гибельным стремление к разрыву с тысячелетней историей в результате отказа от церковнославянского языка и связи через него с другими православными славянами. Предлагалось подготовить брошюры и листовки, раскрывающие «все исторические неправды, распространяемые украинизаторами и отравившие душу народа». В итоговой резолюции утверждалось, что употребление русского языка в проповедях, на уроках Закона Божия в школах и церковных учреждениях не должно рассматриваться как пользование языком чужого государства, а должно восприниматься как употребление языка родного или братски близкого чадам Православной церкви в Польше наравне с украинским языком (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 181–182).

В Министерство вероисповеданий продолжали поступать жалобы украинцев на действия церковных властей. В частности, объектом для критики стал Г. И. Боришкевич, которого упрекали в том, что после своего назначения на должность настоятеля Успенского собора во Владимире-Волынском он старался восстановить проведение богослужений на церковнославянском языке, «окрашенном в период российского господства русским языком» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 605). Г. И. Боришкевича обвиняли также в принадлежности к «Русскому народному объедине-

нию». В целом обращалось внимание на то, что Православная церковь в первые годы существования независимой Польши была передана епископам, которые лишь по случайности оказались в границах Польши, и что этих иерархов перевезли в польские земли во времена царизма из глубинных районов России. В последующем к ним были добавлены еще несколько епископов, «импортированных» из русской эмиграции. В результате церковь в Польше, состоящая на 70 % из украинцев и на 28 % из белорусов, уже 10 лет находится под русским влиянием. Последствия такого положения дел были названы «просто ужасными». Синод обвинялся в проведении русификаторской политики, распространении нелегальной русской литературы среди православного населения, пропаганде общерусской идеологии и демонстрации презрительного отношения к народам, стремившимся к освобождению от московской опеки. «Мы выступаем за возрождение местной церковной традиции, возникшей в давней Речи Посполитой, в том числе за возрождение украинского богослужения. Из 740 приходов на Волыни 572 выступают за украинизацию», – говорилось в обращении (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 619).

В другом послании указывалось на то, что церковнославянский язык, «окрашенный в период господства России русским языком», для большинства украинцев просто непонятен: «Против нас интригует горстка русских, которые имеют явное стремление к “единой и неделимой матушке России”» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 633–634).

В обращении под заголовком «К христианскому миру» украинские деятели отмечали: «Десять лет Православная церковь в независимой Польше находится под руководством пришлого московского епископата, чуждого [украинцам] по крови и духу, который проводит свою русификаторскую политику. Русские, в основном члены чисто политической организации “Русское народное объединение”, господствуют во всех ведущих [церковных] учреждениях. В результате между епископатам и украинским населением, которое составляет 70 % Православной церкви в Польше, лежит глубокая пропасть, а с февраля 1927 г. ведется открытая война³. Пастыри должны быть сынами того народа, к которому принадлежат их прихожане. Нам не нужны москали. Украинскому народу – Украинскую церковь!» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 219).

Поддержка польскими властями украинских церковных требований

Украинские церковные деятели настойчиво добивались назначения на Волынскую кафедру епископа украинской национальности. В этой связи воевода В. Мех писал в 1927 г., что назначение на Волынь православного епархиального епископа является необходимым и важным средством для смягчения существующих в православной среде противоречий (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1024. К. 78). По мнению чиновника, данный конфликт в контексте «украинизации» церкви принял бы более мягкие формы и даже мог бы быть полностью ликвидирован в результате отстранения митрополита Дионисия от «абсолютного правления» в этом регионе. Однако В. Мех полагал, что не следует идти на удовлетворение всех пожеланий «украинизаторов». Так, он считал неправильным назначение на должность епархиального епископа украинца с ярко выраженными политическими взглядами. По мнению воеводы, это лишь обострило бы церковные распри, поскольку широкие массы православного населения на Волыни не готовы к слишком поспешной смене языка богослужения.

В. Мех также отмечал, что на должность епископа он не видит среди духовенства подходящих кандидатур из числа украинцев – сторонников украинизации церкви. По политическим причинам воевода исключил назначение на эту должность архимандрита Поликарпа (Сикорского). Он полагал, что в интересах государства и Православной церкви на Волыни епархиальным епископом должен быть этнический «русин» (украинец), использующий в частной жизни «русинский» язык, доброжелательный или как минимум невраждебный к украинизации церкви, спокойный, тактичный, не занимающийся политикой и «добрый гражданин» Польского государства: «Что касается священника Боришкевича – декана и приходского священника во Владимире-Волынском, то я не выскажу [по поводу его кандидатуры] отрицательного суждения, хотя он, особенно среди украинцев, считается орудием митрополии или Русского народного объединения. Украинцы видят в нем своего врага. Однако [Боришкевич] священник серьезный, разумный и полностью лояльный Польскому государству. В частной жизни он использует русинский язык, в принципе, является сторонником проповедей и некоторых молитв на русинском языке. Что же касается языка богослужения, то занимает нечеткую позицию» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1024. К. 79).

Таким образом, польские власти стали задумываться о необходимости смягчения межнациональных противоречий в регионе. На этом фоне росло критическое отношение к руководству Пра-

вославной церкви. Так, глава Люблинского воеводства в своем письме в Министерство вероисповеданий утверждал, что современное православие в Польше – это русскость, которая культивируется старыми священниками и высшей церковной иерархией. Как сообщал чиновник, согласно «откровению» епископа Антония во время его визита в Люблинское воеводство в 1925 г. Православная церковь в Польше должна исполнить историческую роль в деле возрождения православия в России после падения там большевизма. Поэтому ей необходимо набраться сил, консолидироваться и быть готовой к выполнению этой задачи. Следовательно, делал вывод воевода, целью польского православия являются будущая Россия и объединение православных Польши в составе одной великой Русской церкви и византийской культуры. Он отмечал, что аналогичную позицию занимало и «Русское народное объединение» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 987. K. 169)⁴.

Министр вероисповеданий Г. Добруцкий, характеризуя в 1928 г. митрополита Дионисия, сообщал министру иностранных дел Польши, что это «нерешительный и слабый» человек, который «остается под влиянием личностей из русского общества..., он не питает никаких глубоких симпатий и привязанности к Польскому государству, для большинства православного населения чужд духовно и прежде всего национально» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1024. K. 30). Г. Добруцкий указывал также на межнациональные трения в православном сообществе Польши, связанные с замещением должностей в приходах с преобладающим украинским населением священниками русской национальности, непонимание или сознательное игнорирование церковной иерархией потребностей нерусского населения, неурегулированность вопроса о языке богослужения и проповедей (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1024. K. 30–31).

Следует отметить, что после государственного переворота 1926 г. существенную роль в формировании курса на «дерусификацию» Православной церкви в Польше стал играть Г. Юзевский. Сторонник маршала Ю. Пилсудского, глава канцелярии президиума Совета министров, в июле 1928 г. он был назначен воеводой Волыни и с небольшим перерывом руководил этим регионом почти десять лет. В своих воспоминаниях политик отмечал, что «присутствие России отягощало становление Польши» (Józewski, 1983, S. 47). Он выражал неприязненное отношение к русскому духовенству, церковную иерархию во главе с митрополитом Дионисием называл объединением «коренных русских», для которых были характерны «реакционность» и приверженность традициям Православной церкви времен царской России. По его мнению, «русский дух» Синода не был хорошим партнером в решении вопроса о польском православии (Józewski, 1982, S. 69–70; Józewski, 1983, S. 47).

Г. Юзевский был последовательным сторонником украинизации Церкви на Волыни. В своих воспоминаниях он положительно оценил украинизацию луцкого Крестовоздвиженского братства, назначение настоятелем братской Крестовоздвиженской церкви П. Пашевского – активного деятеля украинского церковного движения, главного священника войск атамана С. Петлюры (Józewski, 1982, S. 71). При поддержке Г. Юзевского было создано «Волынское общество приверженцев православного просвещения и защиты украинских православных традиций им. Петра Могилы». Украинизация церкви стала частью его плана, направленного на создание условий для «совместной мирной жизни» поляков и украинцев. Вскоре после своего назначения на пост волынского воеводы Г. Юзевский публично заявил о «родстве» польского мира с украинским и «чуждости» русских и украинцев (Józewski, 1983, S. 56). Проводниками курса Г. Юзевского в украинской среде стали петлюровцы, бывшие члены правительства УНР. Самого же С. Петлюру он считал «выдающейся исторической личностью» (Józewski, 1982, S. 74, 114).

Как писала известная украинская газета «Дило», в период правления Г. Юзевского на Волыни сельская молодежь сама начала «разбираться» со священниками, не желавшими говорить, проповедовать и служить по-украински. И это была не только борьба за украинский богослужебный язык, «это была борьба за устранение из церкви московского духа, враждебного всему украинскому, борьба за окончательное уничтожение русского психотипа» (Діло. 07.09.1938. С. 2).

При поддержке Г. Юзевского активную публицистическую деятельность на Волыни развернул П. В. Певный, соратник С. Петлюры. Переехав в 1928 г. из Варшавы в Луцк, он возглавил редакцию газеты «Українська нива», затем стал депутатом польского сейма от Беспартийного блока сотрудничества с правительством. П. В. Певный являлся активным сторонником сотрудничества с поляками. По инициативе Г. Юзевского, он принял участие в создании проправительственной партии «Волынское украинское объединение».

В одной из своих публикаций П. В. Певный писал, что всю украинскую культуру, которая «разрослась» под польским влиянием, после падения Речи Посполитой в XVIII в. Москва полностью уничтожила. Были ограблены церкви, закрыты религиозные братства, запрещено использование украинского языка в школах и судах, подверглись цензуре богослужебные книги. Русский язык был введен не только в богослужении, «на русский манер были переделаны даже молитвы». П. В. Певный отмечал: «Культурный, богатый край (Волынь) был превращен в пустыню. С возрождения Польского государства началось и возрождение волынской земли... [У нас] есть только один выбор – либо созидательная, творческая культура Запада и вместе с ней расширение горизонта украинского народа, повышение его благосостояния и ясное будущее, либо восточное рабство, денационализация украинцев, безнадежная, без культурных проявлений жизнь раба. Мы верим, что только с помощью Польши высокая культура Запада будет распространена на великие просторы Украины» (Przegląd Wołyński. 16.06.1929. S. 4–5).

Другой автор газеты «Українська нива» утверждал, что волыньские земли, вошедшие в состав Польши, стали «форпостом европейской культуры», и в этом заключалось их «почетное призвание»: «Если бы Польша потеряла Волынь, то мы – волыньские украинцы – вошли бы в орбиту московских красных узурпаторов и из равноправных граждан превратились бы в навоз, удобряющий московские евразийские поля» (Przegląd Wołyński. 21.07.1929. S. 3).

Находясь на посту воеводы, Г. Юзевский стремился настроить центральные власти Польши против руководства Православной церкви. Так, он сообщал в Министерство вероисповеданий, что 23 августа 1928 г. на заседании Синода в Варшаве было принято решение, направленное против украинизации церкви (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. K. 575). Польская православная церковь якобы обратилась к «советской церкви» с просьбой оказать ей моральную и материальную помощь, и «советская» обещала содействовать в борьбе с украинизацией церковной жизни на Волыни. Воевода жаловался и на то, что православные церковные власти возбуждают национальные чувства украинцев, порождая борьбу в православном сообществе Волыни и раскалывая церковь. По словам чиновника, «сепаратистское» движение, начатое во Владимире-Волыньском при помощи таких энергичных агитаторов, как А. В. Речинский, может охватить значительную территорию Волыни. Поэтому он просил занять в отношении митрополита Дионисия «решительную позицию» и назначить на Волынь православного епископа, который «в согласии со мной будет в состоянии удовлетворить потребности православного населения обоих национальностей»⁵ (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. K. 575).

Г. Юзевский также обращал внимание Министерства вероисповеданий на то, что Варшава получает тенденциозно подобранную информацию о положении дел на Волыни, а ее «поставщики» стремятся сформировать ложные представления о ситуации на этой территории (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1023. K. 138). К числу таких тенденциозных информаторов воевода относил политиков «из-под знака “Русского народного объединения”». По его мнению, эти люди стараются любой ценой сохранить свою «умирающую» политическую гегемонию в регионе, поддерживать ее путем создания «искусственных брожений» среди населения, чтобы потом играть роль единственных опекунов якобы угнетенного православного меньшинства. Г. Юзевский утверждал, что для осуществления своих политических целей эти деятели объединяются со своими политическими противниками, в частности с враждебно настроенной к Польскому государству партией «Украинское национально-демократическое объединение» (УНДО). Все это делается лишь для того, как писал Г. Юзевский, чтобы принизить авторитет государственной власти и совместно с УНДО путем возбуждения недовольства среди православного населения создать для местной администрации серьезные трудности, которые затем можно было бы использовать для демонстрации всему миру неумелости польского управления на Волыни.

Г. Юзевский считал, что нужно положить конец этим ненормальным отношениям и создать основу для сотрудничества между местной администрацией и церковью (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1023. K. 139). Для этого он предлагал назначить в самые важные церковные учреждения «соответствующих лиц», а не протезируемых администрацией митрополита Дионисия кандидатов, которых продвигают «ожесточенные» русские эмигранты. В связи с этим волыньский воевода вновь поднял вопрос о необходимости поиска подходящей кандидатуры на должность волыньского епископа. Кроме того, он призвал устранить из Волыньской консистории секретаря Покровского –

«чистокровного» русского монархиста, который вместе с членом консистории священником Тучемским не допускает улучшения отношений между государственной властью и консисторией.

В марте 1930 г. представители православного сообщества Волыни посетили МВД и Министерство вероисповеданий. Настоятель собора во Владимире-Волынском Г. И. Боришкевич в интервью журналистам отметил, что делегаты говорили о необходимости невмешательства государства в порядок замещения Волынской кафедры и просили оставить этот вопрос на усмотрение высшей церковной власти. В меморандуме, переданном министру вероисповеданий, говорилось о том, что вмешательство государства в данный вопрос является «унижением достоинства Православной церкви» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1023. К. 26, 29).

Вскоре после этой встречи исполняющий обязанности волынского воеводы Ю. Щлешинский⁶ получил письмо из министерства, в котором сообщалось, что 20 февраля 1930 г. министр вероисповеданий в беседе с митрополитом Дионисием затронул вопрос о назначении постоянного архиерея на вакантную должность волынского епархиального епископа (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1023. К. 35). После этой беседы министерство посетили жители Волыни, представившиеся делегатами православного населения региона. В действительности же, как указывалось в послании, эта группа производила впечатление, что является лишь выразительницей «тенденциозно-персональных пожеланий» (в черновом варианте текста была другая фраза, вычеркнутая: «что прибыла сюда, несомненно, по инициативе Дионисия» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1023. К. 42). Они хотят, чтобы митрополит по-прежнему управлял Волынской епархией (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1023. К. 36). В министерстве же считали, что назначение постоянного епископа на Волынь является «абсолютной необходимостью» и будет как в интересах государства, так и самой церкви: «Такого назначения, – указывалось в письме, – требуют принципы и правила церковного права, потребность управления заброшенным церковным административным аппаратом и хозяйством в Волынской епархии, а также необходимость создания прямого и нормального контакта епархиального епископа с местными органами государственной власти и православным сообществом, которое, составляя около 1/3 всего православного населения в стране, справедливо жалуется на лишение его уже долгое время епископа, пребывающего в регионе на постоянной основе. В этом заключаются существенная потребность и желание православного населения Волыни» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1023. К. 39). В черновом варианте была другая фраза, тоже зачеркнутая: «Таким образом, вмешательство некоторых индивидуумов против назначения на Волынь постоянного архиерея является результатом персональных интриг и политических махинаций, приносящих только вред с точки зрения нравственности» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 1023. К. 48).

В конечном итоге Г. Юзевскому удалось добиться назначения в 1932 г. викарным епископом с резиденцией в Луцке Поликарпа (Сикорского), бывшего руководителя экономического отдела Министерства вероисповеданий УНР. В своих воспоминаниях политик назвал это назначение важным шагом на пути к «дерусификации» Православной церкви в Польше (Józewski, 1982, S. 71). В дальнейшем он оказал содействие назначению на Волынскую кафедру архиепископа Гродненского Алексия (Громадского), украинца по национальности, а секретарем духовной консистории – активного деятеля украинского церковного движения И. Власовского [Борисёнок, 2018, с. 74–75].

С нескрываемым удовольствием Г. Юзевский описывал в своих воспоминаниях случай, когда ему удалось испортить праздник «самому русско-царскому» священнику – митрополиту Дионисию. В связи с тем, что в 1933 г. исполнялось 20 лет архиерейского служения Дионисия и 10 лет его митрополичьей службы, в Почаевской лавре на 10 сентября были запланированы юбилейные торжества. Как пишет Г. Юзевский, в тот день митрополит решил в «истинно русском духе» провести большую манифестацию православия: «Я вызвал (украинского) депутата Скрыпника, чтобы организовать в стенах Почаева украинскую манифестацию. Она парализовала акцию Дионисия. На почаевской колокольне появился сине-желтый флаг, а в толпе – украинские транспаранты с лозунгами об украинской церкви, Польше, Украине. Раздавались украинские возгласы, звучали украинские песни. Дионисий проиграл. Торжествовал Скрыпник и украинское представительство сейма и сената. Едва живого Дионисия провели сквозь толпу манифестантов к митрополичьему дому» (Józewski, 1982, S. 70).

В последующем юридический советник Синода Православной церкви в Польше К. Н. Николаев так охарактеризует политику украинизации церковной жизни: «Польское правительство хорошо понимало, что предпосылкой господства над православием являлось ослабление

церкви изнутри. Отдавая православие на Волыни украинским националистам, правительство достигало сразу нескольких целей: удовлетворяло национальные требования, где это позволяли интересы правительства, изолировало Волынь от [Восточной] Галиции, настроенной антипольски, и, кроме того, разрушало единство церкви» [*Wawryniuk, Kotsan, 2018, S. 289*].

Полонизационная и католическая акция на Волыни

После смерти диктатора Польши Ю. Пилсудского в 1935 г. в политической жизни страны заметно усилилась роль военных. Все большую популярность в армии стала приобретать идея полонизации восточных земель Польши. Попытки претворения этой идеи в жизнь привели к конфликту между волынским воеводой и Министерством военных дел, что и предопределило отставку Г. Юзевского в апреле 1938 г. По свидетельству политика, представители военных кругов в тот период стали разделять идеи радикальных польских националистов: «Из меня делали предателя, – вспоминал Г. Юзевский, – человека, продающего Польшу украинцам, и даже, как “оказалось”, Советской России... На Волыни все началось относительно невинно, с [реполонизации] “загородовой шляхты”⁷, и вскоре дошло до изъятия церквей и акции по обращению в католичество волынского православного населения. Детали [этой компании были] слишком горькими...» (*Józewski, 1982, S. 86–87*).

По сведениям украинских политиков, мероприятиям, получившим название «ревиндикация польских душ», патронировал заместитель министра военных дел, генерал Я. Глуховский (Діло. 09.07.1938. С. 1). Главой координационного комитета по «ревиндикации» являлся командующий Вторым военным округом, генерал М. Сморовинский. Начало компании по «возвращению к вере предков» украинская газета «Діло» (со ссылкой на официальный орган Варшавской православной митрополии «Слово»⁸) описывала следующим образом (Діло. 22.01.1938. С. 3). В приграничном волынском селе Гриньки 17 октября 1937 г. военные из Корпуса охраны пограничья (КОП) устроили праздник. Перед образом Божией Матери вместе с портретами польских государственных деятелей, размещенными на внешней стене школы, местный католический священник провел богослужение. Вечером в здании школы состоялось празднество. На следующее утро оставленные на ночь портреты были обнаружены оскверненными. В ходе разбирательств были арестованы несколько молодых людей. У остальных жителей отобрали паспорта и запретили покидать село (за исключением выезда в близлежащее местечко Лановцы, и то лишь раз в неделю), использовать свет в домах и покидать их в вечернее время. За использование света военные выбивали стекла. По селу стали распространяться слухи, что всех жителей выселят из приграничной зоны и, следовательно, есть угроза потери земли и имущества. Единственным способом избежать наказания был переход в католичество и объявление себя поляком. Селян убеждали и в том, что если их фамилии заканчиваются на -ский, -цкий или -ич, то, значит, их предки были поляками и римокатоликами и им следует вернуться к вере предков. Аксию по «ревиндикации» проводил местный католический священник, с которым сотрудничал глава Лановецкой гмины (волости) и капитан КОП с подчиненными ему военными.

Митрополит Дионисий обратился к министру вероисповеданий с просьбой противодействовать незаконному «перетягиванию» православного населения в католичество (Діло. 19.01.1938. С. 1). В православном храме местечка Лановцы архиепископ Алексей (Громадский) 25 января 1938 г. провел службу. По сообщениям украинской прессы, во время его проповеди все прихожане плакали (Діло. 04.02.1938. С. 7). Затем архиепископ провел богослужение в Гриньках. Местная церковь была переполнена народом. Люди, стоя на коленях, не могли сдерживать слез, особенно во время проповеди архиепископа, в которой он призвал верующих крепко держаться своей православной веры. Алексей заявил, что свобода вероисповедания в Польше гарантирована конституцией, поэтому в данном вопросе не может быть никакого принуждения. Когда владыка спросил присутствующих: «Может быть, есть здесь кто-нибудь из новообращенных?», то услышал в ответ: «Нас здесь много! Постиг нас злой рок!». Прихожане со слезами на глазах благодарили архиепископа за то, что вспомнил о них в тяжелую минуту их жизни и прибыл со словами утешения и моральной поддержки (Діло. 05.02.1938. С. 4). Как потом стало известно, у священников Лановецкой гмины, в состав которой входили Гриньки, полиция изъяла изданные отдельными брошюрами проповеди архиепископа Алексея, произнесенные в Лановцах и Гриньках 25 и 26 января 1938 г. (Діло. 01.04.1938. С. 4).

Украинская пресса отмечала, что в ходе проведения католической миссионерской акции сильное влияние на крестьян оказывали материально «осязаемые» аргументы: одних пугали перспективой потери земли, других заманивали привилегиями для новообращенных, в том числе при покупке земли (Діло. 27.03.1938. С. 2).

Комментируя события в Гриньках, украинский депутат польского сейма С. Баран указывал на факты запугивания населения слухами о приходе военной карательной экспедиции, об угрозе «пацификации» села и выселении тех, кто хотя бы малейшим образом подозревался в нелояльности Польскому государству. При этом людям подсказывали идею о том, что можно избежать негативного развития событий и даже получить выгоду, если перейти в католичество, а также советовали обратиться с просьбой к местной администрации выселить всех неблагонадежных. Сразу же началась сбор подписей под этим обращением. Вскоре неугодных выдворили из села, даже не дав возможности привести в порядок свои личные и имущественные дела. Все выселенные, как отмечал С. Баран, были семейными людьми, никогда не подвергались преследованию и не принадлежали к подпольным организациям (Діло. 03.04.1938. С. 8).

После этого начался переход православных украинцев в католицизм в других селах Кременецкого повета Волынского воеводства. И там запуганному населению советовали перейти в католичество в качестве единственного выхода из затруднительного положения: только обращение в католицизм и объявление себя поляком могло спасти людей от репрессий, вернуть доброжелательное отношение властей и получить различные материальные выгоды (Діло. 05.04.1938. С. 7).

По данным украинской прессы, в восточных районах страны распространялись слухи о том, что должности, занимаемые православными, пенсии и даже право жить в приграничной полосе находятся под угрозой. В местечке Сарны 19 июня 1938 г. власти собрали на стадионе 2 тыс. человек и повели в костел. Как отмечала газета «Дило», люди шли со слезами на глазах (Діло. 14.07.1938. С. 3).

Тем православным, кто «запишется» в католицизм, говорили, что они таким образом продемонстрируют, что не являются врагами Польши. Кроме того, во время проведения землеустроительных мероприятий (комасации) они получают хорошие участки земли и «вообще им будет лучше» (Діло. 18.03.1938. С. 3–4; 08.06.1938. С. 1). У перешедших в католицизм появилась и такая привилегия: когда полицейский обращался к православному крестьянину, то говорил ему «Вы», а к новообращенному католику – «проше пана» (буквально, «пожалуйста, господин»). «Сами понимаете, – заключал украинский публицист, – есть вера “крестьянская” и вера “господская”» (Діло. 05.06.1938. С. 6).

Интересен и такой случай. В городе Острог жил старик по фамилии Костюк. Ему сообщили, что на самом деле его фамилия Костюшко, и только московские цари ее «извратили». Если же он перейдет в католичество, то ему будут оказаны особые почести как наследнику легендарного генерала, руководителя польского восстания 1794 г. Тадеуша Костюшко (Діло. 02.07.1938. С. 3).

Отвечая на официальный запрос украинского депутата по поводу событий в Гриньках, премьер-министр Польши Ф. Славой-Складковский указал на то, что в течение длительного времени в этом селе демонстрировалась «явная нелояльность» к Польше и росла антигосударственная агитация (Діло. 05.04.1938. С. 7). Проявлением этих тенденций стали события, произошедшие 17 октября 1937 г., когда были осквернены портреты высших государственных деятелей Польши. По словам премьера, население, осознав, что эти действия были следствием его пассивного отношения к деятельности преступных элементов, обратилось к органам власти с просьбой выселить из Гриньков наиболее активных агитаторов. При этом часть жителей, желая показать, что полностью и решительно порывает со средой, из которой рекрутировались деструктивные элементы, неоднократно пытавшиеся использовать в своих целях Православную церковь, решила перейти в католичество. По словам премьера, это движение охватило значительную часть Кременецкого повета (уезда) и распространилось на соседние районы, в том числе на Ровенский и Здолбуновский поветы. Польская пресса, в свою очередь, сообщала о «массовом и добровольном» возвращении русифицированной или украинизированной «загородовой» шляхты и крестьян к вере предков и «родному народу». Этот процесс называли даже «Волыньским чудом» (Діло. 08.06.1938. С. 1).

Украинские журналисты взяли интервью у жителя с. Гриньки Евфимия Ничко, входившего в состав делегации православного населения от Кременецкого повета, которая побывала у премьера Ф. Славой-Складковского. По свидетельству крестьянина, новообращенному католику теперь все

можно: «Он может ходить в любое время суток куда захочет, а вот мне нельзя. Как солнце зайдет, так и коней напоить не могу, потому что сразу наказывают. Теперь у нас раздор... Все такую злость и ненависть имеют, что не дай Бог! Не будет спокойствия на нашей земле, помяните мое слово, не будет» (Діло. 05.06.1938. С. 6).

Как писала украинская пресса, вскоре Е. Ничко по распоряжению властей был выселен из приграничной зоны (Діло. 02.07.1938. С. 3).

По сообщениям газеты «Дило», православное большинство относилось к новообращенным холодно, недоверчиво и не стремилось им помочь в случае беды. С «конвертитами» не разговаривали, старались не обращать на них никакого внимания (Діло. 05.06.1938. С. 3). В одном из сел Волыни школьная детвора дразнила ученицу польской национальности: «Ты, католичка» (Діло. 10.06.1938. С. 3).

Многие новообращенные посетили в Пасхальную ночь православный храм в Лановцах. Несмотря на то что в пасхальных песнях звучал призыв к христианам радоваться, эти люди во время службы все время плакали (Діло. 08.06.1938. С. 1). При описании католического праздника Тела и Крови Христовых в волынском селе Старый Вишневец газета «Дило» процитировала польское издание: «Наш католический храм до сих пор был пустым, но в эти дни он был переполнен народом. Сюда пришли люди, ранее бывшие православными. Они пришли и плакали. Трудно понять, были ли это слезы радости от возвращения в лоно Церкви своих отцов и дедов, или же это было проявление горечи, а может быть, и отчаяния» (Діло. 16.07.1938. С. 7). Польское издание отмечало, что «ревиндикация» не проходила без слез и протестов.

Однако встречались и примеры иного рода. «Мы были православными, – утверждал 20-летний юноша из числа новообращенных, – не только при русской власти, но и долгие 19 лет в нашей свободной родине. При царизме наши прадеды и даже самые близкие родственники были католиками. [При русской власти] была очень строгая дисциплина, особенно для польского народа. Поляк не мог занять государственную должность, получить работу, если не примет православие. Мы ждали и долго медлили. Не было тех, кто подал бы нам руку и помог свернуть с неправильного пути... Мы ждали так долго, что сейчас даже трудно поверить, что уже наступило возвращение к вере предков. Теперь наконец-то вы, наши братья, подали нам руки и свели с того пути, по которому мы до сих пор блуждали. Благодаря вам, дорогие братья, мы теперь на правильном пути» (Діло. 31.07.1938. С. 8). Украинская газета «Дило» отмечала, что подобные заявления стали возможны в результате активной деятельности польских учителей на Волыни, которые колонизировали население.

Польская пресса называла обращение православных в католицизм «возрожденческим движением», «прекрасным, самым благородным способом увеличения польского присутствия на восточных землях». Для возрождения и укрепления польскости отмечалась необходимость строительства новых костелов, часовен, польских «народных домов». В организации строительства этих объектов активное участие принимали польские военные. Согласно данным украинцев, число римско-католических приходов и костелов на Волыни за 20 лет увеличилось более чем в два раза. Если в 1919 г. в регионе было 59 приходов и 59 костелов, то в конце 1937 г. – уже 140 приходов и 124 костела (Діло. 10.05.1938. С. 1). Планировалось открыть еще 43 прихода и построить 21 костел (Діло. 28.07.1938. С. 3).

Украинский депутат З. Пеленский утверждал, что министерство коммуникаций проводило чистку железнодорожной отрасли от украинцев. По словам депутата, глава ведомства заявил, что служба на железной дороге является «деликатным» делом, поэтому к работникам данной сферы нужно иметь особое доверие. З. Пеленский также отмечал, что от украинцев, еще занятых в этой отрасли, для продолжения трудовой деятельности требовали «сменить обряд» (Діло. 21.01.1939. С. 5).

Проводимая «ревиндикационная» акция воодушевляла польских националистов. Один из руководителей польской политической организации «Лагерь национального объединения» во время манифестации во Львове заявил: «Мы должны вернуть польскому народу польскую душу, польскую кровь и польскую землю..., они всегда были здесь польскими, так как поляки пришли сюда еще во времена, когда здесь были только небо и ничейная земля» (Діло. 01.03.1939. С. 2).

Депутат сейма от той же организации С. Хмелинский называл Волынь «польской землей испокон веков». Представитель польской национально-демократической партии (эндеции), генерал

М. Жегота-Янушайтис утверждал, что «ревиндикационную акцию следует считать чрезвычайно важной и необходимой задачей для восстановления костела и польскости» в восточных землях страны: «Нужно провозгласить лозунг возвращения в католицизм [поляков], насильственно русифицированных во времена российской неволи... Ревиндикация, даже если бы она шла только по линии римско-католического обряда, уже сама по себе является нашей победой, потому что увеличивает число сознательных поляков на кресах (восточных землях). А это здесь наша главная цель» (Діло. 05.07.1939. С. 5).

О развитии процесса «ревиндикации» свидетельствовало обращение жителей села Беловеж Сарненского повета к митрополиту Дионисию, датированное 2 мая 1939 г. В письме отмечалось, что римско-католическая акция, которая «неожиданно явилась как гром среди ясного неба», стала для селян «причиной всех бед и несчастий». Крестьяне жаловались на то, что их заставляли принять католическую веру. Эту кампанию проводили частные лица, помощь которым оказывали военные из Корпуса охраны пограничья. Согласно документу, акция проходила следующим образом. Прибывшие в село миссионеры при активном участии местных католиков на общих собраниях призывали православных перейти в католицизм. Если желающих не находилось, то людей все равно записывали в католики. Затем селян уговаривали отправиться к католическому священнику и принести соответствующую присягу. Если люди отказывались, то польские военные выгоняли упорствующих из домов и заставляли идти к польскому ксендзу. У тех, кто не желал присягать, военные отбирали паспорта, без которых жители приграничной зоны не могли выйти за пределы своего поселения. А это грозило потерей работы. Кроме того, скот приходилось держать в коровниках, без выпаса, поскольку пастуху нельзя было находиться без паспорта. Если он оказывался без удостоверения личности, то военные уводили скотину на пограничную заставу, и хозяева могли ее вернуть лишь при условии, что перейдут в католицизм. Жители села сообщали митрополиту, что военные распорядились выгнать православных с работы и не принимать до тех пор, пока они не перейдут в католичество. «Для нас это [был бы] самый тяжелый удар. Просим Вашей помощи. В противном случае мы скоро совершим великий грех Иуды», – отмечалось в обращении (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 987. К. 459–460).

Заключение

Межвоенный период был трудным временем для Православной церкви в Польше. Помимо того, что ее лишали храмов, земельной собственности, церковь находилась под постоянным давлением со стороны польских властей и украинских националистов. В начале 1920-х гг. власти Польши старались оторвать польское православие от России, полагая, что в противном случае церковные структуры станут инструментом внешнего вмешательства во внутренние дела страны. Однако в тот период польские чиновники были вынуждены мириться с сохранением влияния в церкви священников русской национальности, которых считали меньшим злом по сравнению с украинскими националистами. Они опасались украинизации православных церковных структур, полагая, что церковь может стать дополнительным политическим ресурсом украинских националистов. Власти относились к украинскому движению как к враждебному, деструктивному, антигосударственному фактору в политической жизни возрожденной Польши. При этом отмечалось, что церковь не должна быть не только инструментом украинизации, но и русификации православного населения.

Однако процесс украинизации церковной жизни было трудно остановить. Националисты вели борьбу за украинизацию по нескольким направлениям. Так, они оказывали давление на православную иерархию, угрожая расколом церкви. В случае же уступок со стороны епископата украинские деятели обещали прекратить борьбу, поддержать церковь в отношениях с польским правительством и помочь деньгами. Уязвимое положение православия в Польском государстве делало церковную власть податливой такому влиянию.

«Украинизаторы» вели активную пропагандистскую деятельность, заявляли о необходимости искоренения русского влияния в церковной жизни, называли Православную церковь в Польше «колонией Москвы» (AAN. Zesp. 2/14/0. Jedn. 988. К. 571). Одним из символов русского господства был объявлен церковнославянский язык, между которым и русским языком, по сути, ставился знак равенства. Русское духовенство называлось угрозой существованию украинского народа. Звучали обвинения в том, что русские препятствуют развитию украинской культуры, используют церковь для денационализации украинцев. Одновременно с этим

украинские деятели подчеркивали свою лояльность Польскому государству, просили правительство помочь в борьбе с «черносотенцами», выставляли русских священников в плохом свете, видели в них угрозу существованию самой Польши, изображали церковных иерархов поборниками воссоздания «единой и неделимой России». Такие заявления, несомненно, были нацелены на то, чтобы вызвать сочувствие и поддержку со стороны руководства Польши, представители которого принимали активное участие в национально-освободительном движении против России.

После прихода к власти в 1926 г. сторонников Ю. Пилсудского в правящих кругах страны возобладал курс на поддержку украинских национальных требований в отношении православия. Немаловажную роль в утверждении этого курса сыграл волынский воевода Г. Юзевский. Он настраивал центральные власти против русского духовенства, называл некоторых его представителей «русскими монархистами», подозревал епископов в сотрудничестве с православными церковными структурами в Советской России, упрекал духовенство в оскорблении национальных чувств украинцев, провоцировании внутрицерковной борьбы и раскалывании церкви. Представителей «Русского народного объединения» Г. Юзевский обвинял в разжигании межнациональных конфликтов, сотрудничестве с украинскими националистами из УНДО, в стремлении вместе с ними дестабилизировать ситуацию в регионе. В целом, в годы его правления сложились благоприятные условия для украинизации и, как писала газета «Дило», для искоренения «московского духа» и «русского психотипа» из церковной жизни Волыни.

Однако политика воеводы, направленная на создание условий для «совместной мирной жизни» поляков и украинцев, вызывала недовольство польских националистов, обвинявших Г. Юзевского в ослаблении «польскости» и укреплении позиций украинства на Волыни. Критика воеводы имела сильный резонанс в контексте роста международной напряженности во второй половине 1930-х гг. Польские военные полагали, что необходимо повышать обороноспособность страны на восточных ее рубежах, в том числе путем усиления там «польского элемента». В рамках кампании, получившей название «ревиндикация польских душ», власти понуждали представителей православного украинского населения Волыни к возвращению в лоно родной – Римско-католической – церкви и польской народности, связь с которыми якобы была утрачена в годы российского господства. Тем не менее результаты полонизационной католической акции оказались скромными. Кроме того, многие «конвертиты» вскоре вернулись в православие. Однако важно отметить другое. Своими действиями польские власти привели к усилению напряженности в восточных регионах страны, росту межнациональных антагонизмов и антипольских настроений среди украинского населения накануне Второй мировой войны.

Примечания

¹ По словам польских чиновников, «тутейший» язык в качестве родного указывали лица без четко выраженной национальной принадлежности. Следует также отметить, что во время проведения переписи и обработки данных допускались значительные манипуляции и прямые фальсификации с целью занижить численность неполяцкого населения. Так, самой распространенной фальсификацией на уровне местной власти было вычеркивание чиновниками в графе «родной язык» слова «украинский» или «белорусский» и вписывание польского языка [Barwiński, 2015, S. 55, 57, 59, 69].

² Польское законодательство разрешало использовать на территории восточных воеводств «русинский» (украинский), белорусский и литовский языки, в частности в органах власти, судах, школьном образовании, в железнодорожных билетных кассах, окошках почтовых отделений. Интересно заметить, что министр внутренних дел Польши в циркулярном письме от 31 января 1927 г. обращал внимание на то, что на территории восточных воеводств часто возникали ситуации, когда чиновники во время исполнения своих служебных обязанностей общались с местным населением по-русски. В связи с этим министр указал на недопустимость подобных явлений, поскольку, с одной стороны, этот язык не является родным для местного населения, а с другой – общение на нем «искусственно укореняет чуждую культуру». Глава ведомства рекомендовал воеводам обратить внимание своих подчиненных на недопустимость ведения служебных бесед на русском языке [Zieleniewski, 1930, S. 26–30, 68].

³ Имелся в виду отказ Синода поддержать созыв Украинского церковного съезда.

⁴ Документ не имеет даты. Однако, исходя из анализа его содержания, можно предположить, что он был написан в 1928 г.

⁵ По-видимому, имелись в виду русские и украинцы.

⁶ Г. Юзевский в тот период возглавлял МВД.

⁷ Речь шла о мелкой шляхте. Польская сторона утверждала, что польские шляхтичи, в давние времена поселившиеся на этих землях, постепенно русифицировались (или украинизировались) и приняли православие (в том числе под давлением российских властей). Особое внимание в ходе реполонизации уделялось носителям фамилий, которые оканчивались на -цкий, -ский, -ич.

⁸ По данным украинской газеты, за публикацию статьи о событиях в Гриньках весь тираж «Слова» от 16 января 1938 г. был конфискован (Діло. 26.01.1938. С. 4).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie (2/14/0). Jedn. 384, 960, 987, 988, 1003, 1023, 1024. URL: <https://searcharchives.pl/2/14/0/5#tabJednostki> (accessed: 12.04.2021).

Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9.XII 1931 r.: mieszkania i gospodarstwa domowe, ludność, stosunki zawodowe. Województwo wołyńskie. Warszawa, Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej, 1938.

Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9.XII 1931 r.: mieszkania i gospodarstwa domowe, ludność. Polska. Warszawa, Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej, 1938.

Józewski H. Zamiast pamiętnika // Zeszyty Historyczne. 1982–1983. Nr. 60. S. 65–157; Nr. 63. S. 3–75.

Przegląd Wołyński. 1929. 16.06; 21.07.

Діло. 1938. 19.01; 22.01; 26.01; 4.02; 5.02; 18.03; 27.03; 1.04; 3.04; 5.04; 10.05; 5.06; 8.06; 10.06; 2.07; 9.07; 14.07; 16.07; 28.07; 31.07; 7.09; 23.11; 1939. 21.01; 1.03; 5.07.

Библиографический список

Альошина О. Національно-церковний рух на Волині // Наук. записки Нац. ун-ту «Острозька академія». Історичне релігієзнавство. 2009. Вип. 1. С. 3–12.

Борисёнок Е.Ю. Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М.: Алгоритм, 2018.

Єленський В. Велике повернення: релігія у глобальній політиці і міжнародних відносинах кінця ХХ – початку ХХІ століття. Львів: Вид-во УКУ, 2013.

Макаркин А.В. Православие: как национализм побеждает универсализм // Полития. 2019. № 1 (92). С. 41–59.

Barwiński M. Spisy powszechne w Polsce w latach 1921–2011 – określanie czy kreowanie struktury narodowościowej? // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Geographica Socio-Oeconomica. 2015. Nr. 21. S. 53–72.

Wawryniuk A., Kotsan R. Bezpieczeństwo wewnętrzne i zewnętrzne w polityce wojewody wołyńskiego Henryka Józewskiego (1928–1938) // Language – Culture – Politics: International Journal. 2018. Vol. 1. S. 277–302.

Zieleniewski L. Ustawodawstwo językowe Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1930.

Дата поступления рукописи в редакцию 13.04.2021

THE ORTHODOX CHURCH IN VOLYNIA DURING THE INTER-WAR YEARS: BETWEEN THE UKRAINIAN AND POLISH NATIONALISMS

M. A. Bulakhtin

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia

bulachtin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7407-1931

The article reveals the evolution of Poland's policy towards the Orthodox Church in the 1920s and 1930s on the example of Orthodoxy in Volynia. This region of Poland had the largest number of Orthodox Christians, and Ukrainians prevailed among them. The Ukrainian national movement that was growing during those years stood for Ukrainization of the Orthodox Church in Volynia. The advocates of Ukrainization put pressure on the religion leadership and declared the need for “derussification” of the church life. They also proclaimed Russian

priests as a threat not only to Ukrainians, but also to the Polish state, and called them supporters of the restoration of “one and undivided Russia”. In the early 1920s, the Polish authorities were afraid of the Ukrainian national movement and put up with the continuing influence of the ethnic Russian priests in the Orthodox Church. Polish officials did not want to allow the church to become an additional resource for the political influence of Ukrainian nationalists. After the coup of May 1926, when the supporters of Marshal J. Pilsudski came to power in Poland, state policy began to change in favor of the Ukrainization of the Orthodox Church in Volynia. The Volyn governor Henryk Józewski made an important contribution to the approval of this policy. However, later, under the influence of the international political situation in Europe during the 1930s, the approach of the Polish authorities towards the Orthodox Church in Volynia changed again. The authorities set a course towards the Polonization of the Ukrainians in Volynia together with the strengthening of the position of the Roman Catholic Church in the region. All this led to an increase of inter-ethnic tensions and anti-Polish sentiments there.

Key words: Poland, Volynia, Orthodox Church, nationalism, interwar period.

References

- Al'oshina, O. (2009), “The national church movement in Volyn region”, *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu “Ostroz'ka akademiya”*. Seriya “Istorichne religieznavstvo”, № 1, pp. 3–12.
- Barwiński, M. (2015), “Censuses in Poland in 1921–2011 – determination or creating of ethnic structure?”, *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Geographica Socio-Oeconomica*, № 21, pp. 53–72.
- Borisenok, E. (2018), *Nesovetskaya ukrainizatsiya: vlasti Pol'shi, Chekhoslovakii i Rumynii i “ukrainskiy vopros” v mezhoennyi period* [Non-Soviet Ukrainization: the authorities of Poland, Czechoslovakia and Romania and the “Ukrainian issue” in the interwar period], Algoritm, Moscow, Russia.
- Elens'kiĭ, V. (2013), *Velike povnennia: religiia u global'niĭ polotitsi i mizhnarodnih vidnosinah kintsia XX – pochatku XXI stolittia* [The Great Return: Religion in Global Politics and International Relations in the Late 20th and Early 21st Centuries], Vidavnicтво Ukrain's'kogo Katolic'kogo Universitetu, Lviv, Ukraine, 504 s.
- Makarkin, A.V. (2019), “Orthodoxy: how nationalism trumps universalism”, *Politiya*, № 1(92), pp. 41–59.
- Wawryniuk, A. & R. Kotsan (2018), “Internal and external security in the policy of Henryk Józewski, Voivode of Volynia (1928–1938)”, *Language – Culture – Politics: International Journal*, № 1, pp. 277–302.
- Zieleniewski, L. (1930), *Ustawodawstwo językowe Rzeczypospolitej Polskiej* [Linguistic legislation of the Republic of Poland], Dom Książki Polskiej, Warsaw, Poland, 204 s.